

УДК 346.93

Третейское судопроизводство в России: состояние и перспективы развития

Ю.И. Скуратов,

доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой конституционного и международного права
Российского государственного социального университета,
председатель Национального объединения третейских арбитров и судей
Россия, Москва
fond21vek@yandex.ru

Н.В. Кузьминых,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и международного права
Российского государственного социального университета
Россия, Москва
ombuds@yandex.ru

Рассматриваются практические проблемы и перспективы развития третейских судов и третейского разбирательства в Российской Федерации. Анализируя действующее законодательство и законопроекты о третейском судопроизводстве, авторы отмечают необходимость разработки и принятия единообразных правил третейского разбирательства, создания государственного реестра третейских судов, законодательного закрепления их статуса, введения нормы об обязательности исполнения решений третейского суда и приравнивания решения третейского суда к исполнительному

С момента принятия Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о третейских судах) прошло двенадцать лет, и в деле становления этого правового института сегодня сложился уже определенный опыт. В то же время проблемы третейского разбирательства остаются одними из самых актуальных и требующих постоянного освещения и развития. Попробуем проанализировать важные изменения, которые произошли в этом направлении за последнее время, связанное со становлением и развитием системы третейского судопроизводства как института российского общества и государства. Каково же нынешнее положение дел в данной сфере? Начнем с небольшого статистического обзора.

Согласно экспертным оценкам и итогам мониторинга сайтов арбитражных судов в России в настоящее время насчитывается чуть более 1000 постоянно действующих третейских судов, из них более 450 судов работают в Москве, около 80 — в Санкт-Петербурге и Ленинградской области и около 50 судов — в Московской области.

С 2002 года количество споров, рассматриваемых в третейских судах, по соотношению с количеством гражданских дел, рассматриваемых в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, возросло с 0,08% до 1,1%.

С 2009 года существенно изменились темпы прироста количества дел по выдаче исполнительных листов на приведение в исполнение

решений третейских судов. В среднестатистическом субъекте Российской Федерации в 2009 году было рассмотрено 7 таких заявлений, из них одно оставлено без удовлетворения, в одном случае решение третейского суда отменено. В 2010 году рассмотрено уже 17 заявлений, из них в двух случаях отказано в удовлетворении, в одном случае решение третейского суда отменено. В 2011 году тенденция сохранилась: рассмотрено 32 заявления, в четырех случаях отказано в выдаче исполнительного листа, два решения третейских судов отменены. Статистика 2012 года становится более разнородной и темпы прироста количества заявлений снижаются: в среднестатистическом субъекте Российской Федерации рассмотрено 36 заявлений о выдаче исполнительных листов, из них в четырех случаях заявления оставлены без удовлетворения, в трех случаях решения третейских судов отменены.

В 2013 году тенденция уже стала вызывать тревогу: за неполное первое полугодие рассмотрено судами только 15 заявлений, из них в шести случаях отказано в выдаче исполнительных листов, и только в одном случае решение третейского суда отменено.

Наверное, неисправимые оптимисты могут истолковать эту цифру как рост доверия к третейским судам и повальное исполнение их решений в добровольном порядке, но, вероятнее всего, приходится констатировать снижение общего числа обращений в третейские суды, а также признать, что реальные дей-

ствия демонстрируют снижение поддержки со стороны арбитражных судов.

В то же время в некоторых третейских судах отмечен рост количества дел, вызванный, в основном, сменой видов споров, началом работы с банками, строительными саморегулируемыми организациями (далее — СРО). Так, руководство Третейского суда для разрешения экономических споров при Северной торгово-промышленной палате (г. Мурманск) среди причин роста количества дел называет «активную работу с банками и преобладание споров о взыскании задолженности и обращении взыскания на заложенное имущество».

Снижение количества дел в третейских судах вызвано тем, что процессуальное качество и информационное сопровождение дел в федеральных судах становится все более эффективным, и сейчас Россия в этом отношении опережает ряд авторитетных зарубежных соседей.

Однако общемировая тенденция рассмотрения в судах гражданских дел складывается совсем иначе: в делах, не связанных с интересами государства и интересами широкого круга лиц, государственные суды привлекаются все реже, разрешение споров по частным вопросам все чаще переходит в дела частных судов. В ряде государств наблюдается профессиональный симбиоз: юрист-частник, получивший лицензию от муниципалитета, выполняет функции адвоката, нотариуса и третейского судьи. Так, общеизвестно, что у наших соседей на Украине и в Казахстане процент рассматриваемых третейскими судами гражданских и экономических дел в десятки раз выше (на Украине — 85%, в Казахстане — 60%). В ряде стран вообще отсутствует система государственного арбитража.

Предстоит разобраться, с чем связано замедление темпов прироста числа дел, рассматриваемых третейскими судами: идет ли речь о так называемых сезонных проблемах, статистических погрешностях, или можно говорить об определенном замедлении процессов развития третейского разбирательства в России.

Вполне возможно, что определенное негативное воздействие на расширение сферы применения третейского судопроизводства оказал вывод Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) о праве любого лица оспорить решение третейского суда, если оно затрагивает его права (Постановление КС РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона

“Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» (далее — Постановление КС РФ от 26.05.2011). Принцип окончательности решения третейского суда был существенно подорван, а круг субъектов, которые вправе оспорить решение третейского суда, вырос, что не сразу отразилось на судебной практике.

Внесение изменения в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 года (далее — АПК РФ), увеличившее срок выдачи исполнительного листа, существенно снизил эффективность третейского разбирательства. Справедливости ради стоит отметить, что многие арбитражные судьи по-прежнему рассматривают эти дела в срок, близкий к месяцу и даже менее, но таких мало.

Следует отметить и весьма неоднозначную позицию арбитражных судов и судов общей юрисдикции по отношению к третейству как к институту разрешения споров. Диапазон мнений государственных судов довольно обширен. Если, например, конструктивное отношение руководства Арбитражного суда г. Москвы к третейскому сообществу не может не радовать, то позиция, выраженная многими арбитражными судами в отношении своих коллег из третейских судов (за исключением судов, созданных в системе торгово-промышленных палат), достойна сожаления.

В целом же арбитражные суды России стали больше внимания уделять практике третейского судопроизводства. Так, основным объектом внимания Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) стал вопрос о независимости и беспристрастности третейских судей. Был сделан вывод о недействительности третейского соглашения, нарушающего принцип беспристрастности судебного разбирательства [2], дана расшифровка принципа независимости и беспристрастности, обеспечить соблюдение которого должен третейский суд [1].

Именно после выработки этих правовых позиций судебная практика резко изменилась и поставила многие корпоративные третейские суды в затруднительное положение с весьма туманными перспективами дальнейшей деятельности. При этом очевидно, что эти корпорации вовсе не останутся без третейского разбирательства, кто-то предпочтет передать свои споры в сторонние (действительно независимые) третейские суды, а кто-то просто создаст новые «независимые» третейские суды, куда и будут переданы все дела.

С теоретической точки зрения указанные правовые позиции ВАС РФ вызывают много вопросов, потому что акцент с независимости конкретного судьи неожиданно переместился на независимость третейского суда, а у арбитражных судов появилась возможность конста-

тировать недействительность третейских соглашений, не соответствующих указанной правовой позиции.

Арбитражная практика носит противоречивый характер, поэтому на ее основе сложно сделать вывод об однозначной поддержке или о подавлении третейского разбирательства. Внимание арбитражных судов сместилось в сторону медиации. Вместе с тем очевидно, что путем медиации решается куда меньше конфликтов, чем путем решений третейского суда, и в этой связи медиации пока не удалось выйти на передовые позиции. В этой связи, полагаем, такая конъюнктурная политика вряд ли позволит реализовать линию на снижение нагрузки государственных арбитражных судов.

Отношение системы арбитражных судов к третейству в целом можно охарактеризовать на примере дела ООО «Юридическая компания «Основа»», которое обратилось с иском к Арбитражному суду Тамбовской области, оспорив отказ этого суда размещать в холле информацию о третейском суде. Как указал в своем решении арбитражный суд, его задача — разрешение споров; обязанность пропагандировать третейские суды у него отсутствует. В результате способствование развитию третейского разбирательства базируется лишь на личных симпатиях или антипатиях конкретных председателей арбитражных судов к этому институту. Задача поддерживать и развивать третейские суды, оказывается, не стоит перед арбитражными судами, а заявления о необходимости взаимодействия с ними, декларируемые на различных форумах, зачастую носят сугубо формальный характер.

Довольно показателен еще один пример. Национальный совет саморегулируемых организаций третейских арбитров и судей взаимодействует с большинством постоянно действующих третейских судов г. Москвы и Московской области. В процессе работы обнаруживаются «мертвые» и недействующие третейские суды. Такие суды должны постоянно выявляться, поскольку они, как и «карманные» третейские суды, вносят неразбериху и осложнения в технологию развития третейства.

Все постоянно действующие третейские суды подлежат заявительной легализации в компетентных судах. Арбитражный суд г. Москвы качественно раскрывает информацию об аккредитованных постоянно действующих в г. Москве третейских судах, в то время как Арбитражный суд Московской области такую информацию давать опасается по надуманным причинам, указывая в ответах на соответствующие запросы, что регламентом Арбитражного суда Московской области такое информирование не предусмотрено. Обращение по этому поводу в ВАС РФ дало совсем дру-

гие результаты. Ответ последовал быстро: несмотря на отсутствие в регламентах арбитражных судов такой обязанности, вышестоящий суд порекомендовал Арбитражному суду Московской области информацию об аккредитованных постоянно действующих третейских судах сделать доступной широкому кругу лиц на интернет-сайте суда.

К сожалению, рекомендация ВАС РФ была выполнена формально: на сайте Арбитражного суда Московской области информация о третейских судах региона имеется, но воспользоваться ею невозможно: конкретика и регламентация деятельности этих судов отсутствуют. Почему? Ведь нелепо полагать, что компетентный суд, в котором аккредитуются постоянно действующие третейские суды, размещая информацию о них на своем сайте, тем самым создает им рекламу и потому может потерять объемы споров? Какой логикой руководствуются некоторые арбитражные суды, скрывая допустимую по закону информацию о третейских судах регионов, совершенно необъяснимо.

Большие надежды на активизацию развития третейства в нашей стране связывались с созданием третейских судов в системе саморегулируемых организаций (СРО). В них сегодня состоит более 100 000 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, т. е. их число более чем в три раза превышает количество членов Торгово-промышленной палаты России. Первоначально казалось, что создание третейских судов при СРО гарантирует решение многих проблем, однако очень скоро стало понятно, что такие суды не лишены многих недостатков. Один из них — конфликт интересов в третейском разбирательстве, который может возникать на этапе заключения договоров между членами разных СРО, поскольку каждая из них имеет свой третейский суд. Конфликт возможен и между членом СРО, имеющей третейский суд, и потребителями ее товаров, работ и услуг, не имеющих третейских судов. Противоречие интересов может возникнуть и у члена СРО, спорящего с органом управления СРО по поводу использования для его разрешения третейского суда, созданного решением органа управления СРО.

Могут появиться конфликты интересов и при создании третейских судов при отраслевых ассоциациях СРО, которые будут рекомендовать свою третейскую оговорку, и при создании национальных объединений со своими третейскими судами. Конфликты интересов, возникающие по вертикали и горизонтали в третейских разбирательствах СРО, являются реальной угрозой дальнейшего распространения третейства.

Необходимо отметить, что постоянно действующие третейские суды можно условно раз-

делить на две группы: третейские суды, реально рассматривающие споры, и «декоративные» третейские суды. В ряде третейских судов первой группы количество дел, рассмотренных за год, часто превышает тысячу. Большинство таких судов становятся настолько авторитетными, что стороны исполняют их решения в добровольном порядке. Однако немалая часть третейских судов создается, так сказать, на всякий случай, для повышения имиджа юридических фирм, что нередко рассматривается как дополнительный источник прибыли учредителя. Безуспешность деятельности этих судов предопределена целями их организаторов.

Нельзя не обратить внимание на участвовавшие факты использования понятия «третейский суд» в различных неправовых практиках: удостоверениями третейских судов торгуют, в сети Интернет множество объявлений об оказании услуг по созданию третейского суда, образно говоря, любому пивному ларьку. Третейскими соглашениями «привязывают» граждан к монопольным договорам кредитования, к договорам предоставления разных несуществующих услуг, в том числе по продаже по завышенной цене пылесосов и потребительских технически сложных товаров, биологически активных добавок по баснословным ценам. Иногда появляются даже не «карманные», а псевдотретейские суды, использующие наименования тех третейских судов, которые уже рекомендовали себя работоспособными, чтобы их контрагенты могли в Интернете убедиться в состоятельности третейской оговорки, в том, что они доверяют свои споры профессионалам. Такие псевдоспециалисты даже вписывают в свои трудовые книжки и резюме стаж работы третейским судьей третейского суда.

В ряде случаев постоянно действующие третейские суды не обеспечивают право сторон на выбор третейского судьи, сужая состав своего третейского суда до 3—4 человек во главе с одним юристом.

Притчей во языцех стали темы присуждения третейскими судами прав на недвижимое имущество и взыскания третейских сборов в сумме, превышающей цену иска. Двусмысленности и неопределенности законодательства создают такие возможности для различного рода «решал». Нередко появляются дела, в которых стороны «договариваются» о содержании решения, согласовав изначально итоговый судебный акт для получения исполнительного листа с целеустремленным содержанием.

Во многих случаях некоторые третейские суды берутся решать дела, совершенно не подведомственные им, т. е. из области семейных, административно-жилищных отношений, пытаются решениями третейских судов регулировать деятельность органов исполнительной власти, обязывать и принуждать лиц к совер-

шению определенных действий, тем самым ограничивая их свободу деятельности.

Уязвимыми местами третейского судопроизводства являются слабая квалификация многих третейских судей, отсутствие системы их подготовки и переподготовки, аттестации судей по формальному признаку, отсутствие ответственности третейского судьи за неумелые действия, принесшие серьезный материальный ущерб сторонам третейского разбирательства.

Перечень недостатков и изъянов в сложившейся системе третейского правосудия можно расширить. Вместе с тем совершенно очевидно, что у государства нет иной альтернативы действий, как обеспечить развитие цивилизованного третейства. Передача судебных функций от государственных судов в третейские — естественный процесс в ходе формирования и развития гражданского общества, и у института третейского разбирательства в нашей стране огромные перспективы.

Крайняя перегруженность государственных судов, вступление страны в начале 2012 года во Всемирную торговую организацию, создание Таможенного союза и Евразийского экономического союза, крепнущие экономические связи с ближними и дальними соседями уже сейчас требуют более пристального внимания к «детским болезням» третейства. Наши экономические партнеры все чаще настаивают на внедрении третейской оговорки в договорные отношения, европейская и азиатская практика третейского разбирательства настоятельно диктует необходимость отношения к третейству как к серьезнейшему институту внутренней и международной экономической политики. В этой связи третейское разбирательство не может продолжать множить ошибки и недостатки, порожденные периодом становления.

Размышления над путями развития третейства и ликвидации недостатков третейских судов, бросающих тень на этот прогрессивный и всемирно признанный способ рассмотрения споров, привели к реализации проекта саморегулирования самих третейских судей в нашей стране. В 2009 году на встрече председателя ВАС РФ А.А. Иванова с руководителями третейских судов была обозначена необходимость формирования саморегулирования в коллективах третейских судей. Этот процесс был запущен, и в 2011 году была создана первая СРО третейских арбитров и судей в г. Москве и Московской области. Были приняты профессиональные правила и стандарты, определены квалификационные требования к третейским судьям помимо тех, которые установлены федеральным законом. В 2012 году сообщества третейских судей определились по характеру своих объединений, и уже к концу года были созданы некоммерческие партнерства третей-

ских судей по федеральным округам: Центральному, Северо-Западному, Приволжскому, Северо-Кавказскому, Южному, Уральскому, Сибирскому, Дальневосточному.

В 2013 году получили статус СРО три партнерства третейских судей:

- по Центральному округу (возглавил заместитель председателя ВАС РФ в отставке Э.Н. Ренов),

- по Приволжскому округу (возглавил вице-президент Адвокатской палаты России, доктор юридических наук Н.Д. Рогачев);

- по Северо-Западному округу (возглавил государственный советник юстиции I класса М.Б. Катышев).

Весной 2014 года произошло объединение пяти СРО третейских арбитров и судей в Национальное объединение саморегулируемых организаций, которое приобрело федеральное значение и стало координирующим органом в профессиональной отрасли третейского разбирательства.

Ожидается, что статус СРО получают все остальные объединения третейских арбитров и судей, созданные в федеральных округах. Одновременно формируется будущая СРО международных арбитров, которую возглавил швейцарский адвокат, профессор, доктор юридических наук, Почетный консул Российской Федерации в г. Цюрихе К. Экштайн. Через это сообщество, в частности, Россия вносит свой вклад в экономическую интеграцию с ВТО. Поскольку объем споров российских лиц с иностранными контрагентами возрастает, востребованность привлечения международных арбитров с соответствующим опытом налицо.

Ряд юридических вузов уже включил в свои обязательные и факультативные программы курсы по третейскому разбирательству и, что характерно, эти дисциплины закрепляются за кафедрами гражданского и арбитражного процесса. Во многих регионах систематически проходят семинары и круглые столы по активизации третейского разбирательства. В пример можно поставить правительства и администрации таких субъектов Российской Федерации, как Ставропольский край, Московская, Ивановская, Костромская, Тамбовская, Липецкая, Нижегородская, Ростовская, Тверская области, Республика Дагестан. Главы регионов поручают вопросы взаимодействия с третейскими судами заместителям губернаторов по правовой работе, руководителям правовых подразделений региональных администраций, министерствам юстиции субъектов. Это говорит о серьезном и высоком уровне взаимопонимания. В таких регионах современная постановка вопросов, безусловно, приведет к определенному продвижению вперед.

В ряде регионов председатели третейских судов включены в научно-консультативные

советы арбитражных и областных судов. Надеемся, что такие инициативы получат дальнейшее развитие.

Начатые не так давно процессы саморегулирования, самообразования, самоконтроля, самоочищения рядов уже дают первые результаты. Исключительно большое значение стало придаваться квалификационному подбору третейских судей, их подготовке и повышению квалификации. Делается ставка на наличие у третейского судьи высшего юридического образования, опыта работы в аналогичной сфере. Обязательным условием становится добросовестность судьи и отсутствие нареканий в прежней правовой практике.

Развитие процессов саморегулирования в сфере третейского разбирательства находит поддержку в среде третейского сообщества. Из государственных судов чаще стали поступать вопросы о том, является ли указанный в решении третейский судья членом СРО. Это, наверное, помогает судьям принимать определения о выдаче исполнительного листа. Качество текстов судебных решений также повысилось: третейские судьи из числа членов СРО выпускают в свет решения, отличающиеся от прежних судебных актов своей добросовестностью и влияющие на формирование правоприменительной практики.

Оптимизм вселяет и то обстоятельство, что в 2013 году впервые за всю современную историю на вопросы третейского разбирательства было обращено внимание в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию. В связи с этим Правительство РФ должно с участием объединений предпринимателей разработать комплекс мер по развитию третейского судопроизводства в Российской Федерации и решить вопрос о создании третейского суда в рамках Таможенного союза. В свою очередь председатель Правительства РФ дал ряд поручений Минэкономразвития России и Минюсту России. В результате профильными министерствами было создано несколько рабочих групп, которые одновременно начали работать над проектами реформирования системы третейских судов. Результатом труда рабочей группы при Минэкономразвития России стала концепция реформирования института третейских судов. Минюстом России также был разработан комплекс мер по развитию судопроизводства, существенно отличающийся от предложений Минэкономразвития России.

Третейское сообщество должно принимать активное участие в этом процессе, доносить свою точку зрения до представителей министерств и ведомств, определяющих архитектуру, образ института третейства ближайшего будущего, оказывать им посильную помощь в решении этих вопросов. В этой связи необходимо остановиться на проблемах развития тре-

тейства, требующих законодательного решения. Следует понять, надо ли принимать новый федеральный закон, или достаточно внесения поправок в действующий закон? Необходимо также определить степень улучшения от нововведений, приоритеты в новых законодательных предложениях, разобраться, насколько после введения новых норм будут значительными изменения в сложившемся порядке и действующих правилах третейского разбирательства. Соотносится ли пропорция усиления надзора за третейскими судами с увеличением количества споров в них? Насколько изменения процессуального законодательства будут способствовать переносу части споров из государственных судов в третейские?

Необходимо углубленное понимание сути социального и конституционно-правового назначения третейских судов. Придаст ли государство значение третейским судам, сопоставимое с ролью органов судебной власти и органов правосудия? Этот вопрос неоднократно поднимался профессором, Председателем Третейского суда для разрешения экономических споров при ТПП РФ Е.А. Сухановым. Ни законодатели, ни разработчики законопроекта пока не дают на него ответа.

Реформирование третейского судопроизводства эксперты обсуждали в ходе научно-практической конференции «Третейское разбирательство в России: современное состояние, практика и перспективы» [5, с. 153]. Е.А. Суханов выделил несколько проблем, которые предстоит решить в результате этой реформы. До сих пор не окончен спор о самой природе третейского разбирательства. Это дает основание отрицать обязательный характер арбитражных решений. Были даже попытки рассматривать третейское разбирательство как нарушение права на судебную защиту. Однако в Постановлении КС РФ от 26.05.2011 № 10-П поддержана позиция третейских судов [3]. В мотивировочной части Постановления указано, что третейские суды действуют в качестве институтов гражданского общества. Третейское разбирательство расширяет возможности разрешения споров в сфере гражданского оборота за счет общественного саморегулирования, не превращающегося в собственно судебную защиту права, но выражающего тенденцию к упрощению демократических начал правосудия. Это стало важной вехой в развитии коммерческого арбитража.

В Конституции Российской Федерации 1993 года третейский суд как орган разрешения споров, которому государство делегировало часть специальной компетенции, не указан. Поэтому государственные суды воспринимают третейские суды отнюдь не как органы правосудия. Третейские суды, в составах которых сейчас чаще всего работают юристы с большим

практическим опытом, ученые-юристы с серьезной профессиональной правовой подготовкой, до сих пор не включены авторами юридических учебников в разделы, посвященные судебным органам. Однако диалектика вопроса и метаморфозы законодательства о третейских судах не позволяют забывать главного: источником власти в Российской Федерации является народ. Третейские суды служат органами разрешения частных гражданских споров. Можно ли при этом не считать третейские суды органами правосудия?

Суверенное право народа на осуществление власти реализуется как в государственной, так и в общественной форме народовластия. Осуществление правосудия третейскими судами не перестает быть формой власти народа. На фоне совершенствования законодательства абсолютно своевременна постановка вопроса о том, является ли третейская судебная практика институтом народовластия. Отсюда следует, что третейские суды являются формой правосудия. В этом вопросе, полагаем, есть все основания идти еще дальше.

Решения третейских судов должны носить обязательный характер, что, однако, не исключает различных форм государственного контроля за их деятельностью. Это положение чрезвычайно важно для выстраивания концепции правового обеспечения деятельности третейского разбирательства. Она должна во многом строиться по аналогии с законодательным обеспечением других видов и форм судебной власти. Это касается и статуса суда и судей, и гарантий их деятельности, и т. д. Концепция реформы третейских судов предполагает кардинальные изменения, которые, конечно, недопустимо обсуждать без участия представителей третейского сообщества.

Пока в предложениях о реформировании законодательства о третейских судах не просматриваются законодательные инициативы по реформированию смежного законодательства и подзаконных актов.

Серьезное значение имеет то обстоятельство, что после принятия Федерального закона о третейских судах правотворческие инициативы и любые правоустановления в отношении правового содержания деятельности третейских судов и применяемых ими процедур взяли на себя высшие и кассационные судебные инстанции, а не парламент.

В связи с этим крайне важно, чтобы те судебные акты, которые оказали сильное влияние на формирование третейской практики, закона, были учтены в законопроекте, чтобы новым законом о третействе были устранены правовые пробелы, которые позволяют юристам и третейским судьям расходиться во мнениях с высшими и кассационными судебными инстанциями.

Проблемным является вопрос о процедурах образования третейских судов. Прошедший в июне 2013 года круглый стол «Перспективы развития третейского разбирательства в России» [5] выявил разнообразие подходов к этой проблеме, но, вместе с тем, его участники были едины во мнении: целесообразно отказаться от практики создания постоянно действующих третейских судов при любом юридическом лице, которая таит в себе ряд угроз для третейства. Так, монополист в какой-либо отрасли экономики может принуждать сторону договора вносить третейскую оговорку для рассмотрения спора в суде под угрозой не заключать договор вообще при отсутствии альтернативы. Третейский суд может быть также создан с целью мошеннического изъятия чужой собственности. Третейское разбирательство может использоваться и как средство наживы (торговля судебскими атрибутами и др., поставленные некоторыми третейскими судами на поток).

Участниками конференции был сделан вывод, что предложения торгово-промышленных палат о формировании третейских судов исключительно некоммерческими организациями не вполне эффективны, поскольку это порождает еще одно коррупционное поле — создание самих некоммерческих организаций. В данном случае наиболее эффективной будет модель саморегулирования, поскольку Федеральным законом от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (далее — Закон о саморегулируемых организациях) создание третейских судов отнесено к основным функциям СРО.

Очевидно, что с целью установления контроля за деятельностью третейских судов необходимо создать единый государственный реестр третейских судов; ввести сертификацию третейских судов, за исключением третейских судов, действующих в рамках СРО, либо предоставить право сертификации СРО, в рамках которой существует третейский суд.

На круглом столе не удалось выработать единую позицию по вопросу о статусе третейского суда: должен ли третейский суд быть юридическим лицом, обособленным самостоятельным структурным подразделением организации либо все-таки функционировать при какой-то организации, как сейчас.

Во всех случаях на практике возникают сложности. Если в создании третейского суда участвует юридическое лицо, то, поскольку юридические лица создаются гражданами с целью достижения своих целей и обеспечения собственных интересов, возникает определенная зависимость суда от учредителя.

Будучи обособленным самостоятельным подразделением организации, третейский суд, конечно, будет более независим в своей дея-

тельности, в том числе и сфере собственной защиты. Однако при этом могут возникнуть проблемы финансового, хозяйственного и иного толка. Третейский суд, помимо своей непосредственной задачи, т. е. третейского разбирательства, будет вынужден брать на себя административно-хозяйственную функцию, составлять налоговую и бухгалтерскую отчетность и пр. Это потребует при каждом суде иметь свой дополнительный аппарат, что увеличивает расходы самих третейских судов и приведет к повышению сборов.

Представляется, только правоприменительная практика может дать окончательный ответ на вопрос о том, какая модель организации третейского суда предпочтительнее. Очевидно, что превращение судов в самостоятельные юридические лица таит в себе значительную угрозу их активной коммерциализации.

Приведем несколько соображений по проблеме процедуры третейского разбирательства.

Анализ деятельности третейских судов позволил выявить, пожалуй, самое главное препятствие в развитии третейства — это разнообразность и нестандартность в правилах третейского разбирательства. Поскольку Федеральным законом о третейских судах предусмотрено установление правил третейского разбирательства как самими сторонами, так и правилами постоянно действующего третейского суда, возникает масса коллизий. В настоящее время в России насчитывается около тысячи СРО, которые в силу Закона о саморегулируемых организациях должны создавать третейские суды для рассмотрения споров как внутри членской организации, так и членов с их клиентами, потребителями услуг. Помимо третейских судов при саморегулируемых организациях существует еще не менее 700 постоянно действующих третейских судов, созданных разными организациями и юридическими фирмами. Таким образом, на сегодняшний день в России существует примерно 1 700 третейских судов. Каждый третейский суд вправе устанавливать правила третейского разбирательства.

Когда юрист того или иного предприятия, помогая директору решить вопрос о подписании договора, контракта, хозяйственного или гражданско-правового соглашения, решает, где будет оспариваться этот документ, он, конечно, выберет подсудность государственных судов, применяющих в практике нормы АПК РФ или ГПК РФ, и уклонится от внесения в документ положения о порядке разрешения споров в третейском суде. Причина проста: нормы этих кодексов всем известны, в отличие от правил третейского разбирательства, практика по ним нарабатана.

Процесс легализации третейских судов, согласно нормам Федерального закона о тре-

тейских судах, как известно, уведомительный. Поэтому провести правовую экспертизу содержания правил третейского разбирательства никто не вправе — законодатель не устанавливал таких условий «рождения» третейского суда. Мониторинг сайтов третейских судов показал, что их учредители в основном копируют друг у друга правила третейского разбирательства, но не потому, что их авторы проявляют профессиональную солидарность, а потому, что допускают профессиональный плагиат, не утруждая себя даже исправлением чужих грамматических ошибок. Однако тексты правил все равно разнятся, и практикующему юристу приходится учитывать именно их разнообразие, а это — затраты времени и труда.

Полагаем, третейское сообщество, не прибегая к помощи жесткого законодательного решения о введении государственного регулирования правил третейского разбирательства, в состоянии самостоятельно выйти на уровень такого соглашения между собой, которое признает унифицированные правила третейского разбирательства. Повторим, что практически 90% фактически работающих третейских судов интуитивно сформировали определенный объем материала для унификации таких правил. Однако нужен некий объединительный формат, и вот тут не помещает рекомендательная норма закона.

Например, в большинстве стран существование коммерческих арбитражей обусловлено единообразными правилами — Арбитражным регламентом, принятым в 1976 году Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ не имеет силы закона в отдельных странах, однако многие национальные арбитражи допускают преимущественное применение сторонами данного регламента или использование его для восполнения пробелов в собственных регламентах, что приводит к единообразию процедур арбитражного разбирательства.

В силу того, что создается Национальное объединение саморегулируемых организаций третейских арбитров и судей, оно и могло бы сформулировать объединяющий интегрирующий документ — унифицированные правила третейского разбирательства (условно — Третейский кодекс «Росарбитраж»), которые третейские суды могли бы использовать как шаблон, указывая, что стороны рассматривают споры по этим правилам. Если стороны придут к соответствующему соглашению, такой кодекс может быть применим даже теми третейскими судами, в которых уже приняты свои правила.

На заседании круглого стола высказывалась идея о возможности законодательного приравнивания к исполнительным документам решений третейских судов наряду с судеб-

ными приказами, нотариальными надписями и удостоверениями комиссий по трудовым спорам. Думается, что такое предложение заслуживает поддержки. Несмотря на то что при заключении третейского соглашения стороны возлагают на себя обязательство добровольно исполнить решение третейского суда, зачастую приходится сталкиваться с умышленной недобросовестностью проигравшей стороны.

Изначально, принимая Федеральный закон о третейских судах, законодатель наделял третейское судопроизводство рядом серьезных преимуществ, одним из которых является возможность в минимальный срок рассмотреть спор. Указанное преимущество для обращающихся в третейский суд сторон предполагает не только быстрое по времени рассмотрение спора, но и, что самое главное, быстрое добровольное исполнение решения третейского суда проигравшей стороной. Если проигравшая сторона добровольно не желает исполнить решение третейского суда, такое важное преимущество третейского разбирательства, как оперативность, тотчас испаряется. Взыскателю такое решение при его неисполнении равным счетом ничего не дает, так как для того, чтобы возбудить исполнительное производство, ему необходимо обращаться в государственный суд для получения исполнительного листа, а это уже отдельная процедура со своими особенностями и со своими процессуальными сроками, затягивающими возможность принудительного исполнения от нескольких месяцев до нескольких лет. И тогда взыскатель совершенно справедливо начинает думать о том, что лучше сразу обратиться в государственный суд. Более того, проигравшая третейское разбирательство сторона получает великолепную возможность затянуть взыскания или сделать его невозможным. И это происходит во многом именно потому, что решение третейского суда является малозначимым документом, а это серьезно тормозит процесс развития третейского судопроизводства в России.

Отсутствие факта признания решения третейского суда исполнительным документом может явиться поражением законодательной идеи быстрого и эффективного разрешения споров альтернативными способами. Наделить решение третейского суда реальной юридической силой можно на законодательном уровне, приравняв его к исполнительному документу или предоставив третейским судам право выдавать исполнительный лист.

При сохранении судебного надзора за решениями третейских судов в виде рассмотрения заявлений об отмене их решений можно вдвое снизить нагрузку на государственные суды, которые месяцами рассматривают заявления о выдаче исполнительных листов с учетом тех же самых оснований для надзора. Судя по ста-

тистике отмены решений третейских судов в надзорном порядке судами (не более 10%), целесообразность устранения двойного дублирующего контроля очевидна.

Правда, есть много противников этой идеи, но в нашей стране похожий опыт существует и имеет положительную практику: на основании ст. 389 Трудового кодекса Российской Федерации 2001 года в случае неисполнения решения комиссии по трудовым спорам в установленный срок указанная комиссия выдает работнику удостоверение, являющееся исполнительным документом. Причем комиссия по трудовым спорам нигде не должна заявляться и аккредитоваться, а также не должна включать в свой состав профессиональных юристов. На основании этого удостоверения судебный пристав-исполнитель исполняет решение комиссии по трудовым спорам в принудительном порядке. Исполнительная надпись нотариуса также является исполнительным документом в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», что было подтверждено определением Конституционного Суда РФ от 06.07.2001 № 150-О «По жалобе Сберегательного банка Российской Федерации и ОАО «Красноярскэнерго» на нарушение конституционных прав и свобод положением статьи 124 Транспортного устава железных дорог Российской Федерации», в котором сделан вывод о том, что нотариус вправе совершать на документах, подтверждающих бесспорность задолженности или иной ответственности должника перед взыскателем, исполнительную надпись для взыскания денежных сумм или истребования имущества от должника.

Получается, что решение комиссии по трудовым спорам и нотариальная надпись нотариуса являются исполнительными документами, а решение постоянного действующего третейского суда в составе профессиональных юристов — третейских судей, аккредитованных по условиям ст. 8 Федерального закона о третейских судах, — только основанием к вероятному получению исполнительного документа. Значит, третейским судам в лице их судей, которые зачастую являются докторами или кандидатами юридических наук, заслуженными юристами России, имеют опыт юридической практики до 25 лет и более, законодатель не доверяет, и вместо того чтобы действительно решать проблему загруженности государственных судов, заставляет вновь и вновь обращаться в компетентные суды для проверки решений, принятых перечисленными третейскими судьями, для выдачи исполнительных листов. В этом видится явная правовая несправедливость. В этой связи третейское разбирательство сложно признать альтернативным способом разрешения споров.

Важное значение для развития третейства имеет и проблема фактической реализации компетенции третейского суда как органа разрешения споров. Это касается, в частности, возможности предоставления третейским судам права требовать доказательств по делам в организациях — хранителях информации, т. е. документов, сведений реестров и т. д. Федеральным законом о третейских судах этот вопрос совершенно не урегулирован, а других нормативных правовых актов, касающихся этой проблемы, также нет. Отсюда вывод: назрела необходимость внесения в законодательство о третейских судах изменения, в том числе с введением положений об обязанности предоставления по запросу третейских судов различных документов, причем эта обязанность должна распространяться практически на все государственные органы и организации, может, за исключением самых секретных.

В то же время на третейские суды и третейских судей распространяется общее правило о возможности истребования у них государственными органами документов от любых организаций и лиц, участвующих в разбирательстве. Это позволяет правоохранительным органам на уровне простого участкового требовать третейские дела у третейских судов вплоть до их изъятия.

Третейские суды находятся под государственным контролем ввиду того, что осуществляют защиту гражданских прав сторон и в то же время действуют на основании частной инициативы самих сторон. Главное в этом вопросе — степень такого контроля. Закон определяет в качестве органа государственного контроля компетентный суд по месту рассмотрения спора третейского суда или по месту его нахождения. К сожалению, это не единственный орган, осуществляющий контроль над третейскими судами и судьями. Статья 22 Закона о третейских судах гласит, что третейский судья не может быть допрошен в качестве свидетеля о сведениях, ставших ему известными в ходе третейского разбирательства. Эта формулировка исчерпывает регулирование «невмешательства» в третейские суды и рассматриваемые ими дела со стороны правоохранителей и других государственных органов. В итоге, если иное не установлено законодательством о третейских судах, то действуют общие правила контроля в рамках полномочий всех вышеуказанных контролирующих государственных органов, к которым относятся налоговая инспекция, органы внутренних дел, следственные органы и др. Они считают своим правом, а иногда и долгом в рамках установленных законодательством полномочий запрашивать или изымать документы, в частности, материалы третейского разбирательства, решения третейских судов, а порой выносить различные про-

цессуальные акты относительно вынесенных третейским судом решений.

На наш взгляд, Закон о третейских судах должен быть дополнен положениями, непосредственно и прямо защищающими конфиденциальность деятельности третейских судов и запрещающими возможность какого-либо вмешательства государственных органов и организаций в деятельность третейских судов путем истребования различных документов и материалов, связанных с рассмотрением споров в третейском суде.

Несколько слов о гарантиях осуществления третейской судебной деятельности. Наравне с необходимостью регулирования гарантий невмешательства в дела третейского суда, гарантий на получение третейским судом информации открытого доступа третейское сообщество ставит вопрос о необходимости урегулирования взаимоотношений третейского судьи со своим работодателем и третейского суда со своим учредителем [5, с. 35—36].

Регулирование отношений между третейским судьей, который осуществляет третейское правосудие в процессе, и его работодателем, законом не урегулировано. Третейский суд не является юридическим лицом. Если говорить о юридическом лице — учредителе такого суда, то для налогооблагаемого режима этого юридического лица невыгодно на несколько часов в день нанимать третейского судью, который непосредственно рассматривает какое-то определенное дело. Кроме того, найм по договору лица, избранного сторонами, может противоречить принципам независимости и беспристрастности суда, кадрового отбора специалистов учредителем и пр. Истец и ответчик по определению не могут являться работодателями для такого третейского судьи. Поэтому при внесении изменений в законодательство о третейских судах необходимо отрегулировать этот вопрос, особенно в той части, когда третейский судья имеет постоянное место работы в какой-то другой организации и вынужден на время третейского разбирательства покидать свое основное место работы и заниматься деятельностью в качестве третейского судьи.

В то время как вышеуказанные вопросы требуют законодательного разрешения, на свет готовы появиться новые. И связано это с разработкой Минюстом России законопроекта о третейском разбирательстве [4], активно обсуждаемого юридическим сообществом. Не вдаваясь в детали, остановимся лишь на основных его моментах. Законопроект Минюста России о третейских судах и арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации (далее — законопроект Минюста России) предлагает ряд глобальных и второстепенных изменений в систему третейского судопроизвод-

ства. Первое, что вызывает некоторую правовую дезориентацию, — новая терминология. Как известно, общее понятие правосудия включает в себя правосудие, обеспечиваемое государством, и правосудие, обеспечиваемое негосударственными органами, т. е. третейскими судами. Третейский суд, третейский судья, третейское разбирательство — устоявшиеся термины, позволяющие идентифицировать данный правозащитный институт и особенность его регулирования.

Законопроект Минюста России перечеркивает сложившуюся практику, определяя третейство как арбитраж. Так, постоянно действующие третейские суды становятся арбитражными учреждениями, третейские судьи — арбитрами, третейские оговорки — арбитражными оговорками, третейское разбирательство — арбитражом. В России же исторически понятие арбитража всегда было связано с постоянно действующим официальным государственным органом, осуществляющим правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, т. е. с государственным арбитражным судом. Понятие третейства для нашего государства новое, только начинающее свое становление и вызывающее пока много вопросов, и потому смешивать понятия третейского и арбитражного разбирательства недопустимо. Наоборот, надо максимально четко обозначить разницу.

Что может получиться в результате такого смешения на практике? Включение в договор арбитражной оговорки не сразу будет воспринято как возможность третейского разбирательства. Согласно законопроекту Минюста России при толковании арбитражного соглашения любые сомнения должны толковаться в пользу действительности арбитражного соглашения (п. 9 ч.2 ст. 7). Только это одно обстоятельство может спровоцировать конфликт сторон процесса. Что касается, в частности, арбитражных учреждений, то для них практически устанавливается разрешительный порядок создания. Арбитражные учреждения должны будут создаваться в форме некоммерческих организаций (далее — НКО). Регистрация арбитражных учреждений в качестве юридического лица возможна лишь при условии получения учредителями НКО разрешения от Минюста России.

Очевидно, что таким образом законодатель пытается отделить третейство от коммерческой деятельности, минимизировать возможные мошеннические действия. В то же время нетрудно найти лазейки, позволяющие обойти это правило: третейские суды будут создаваться в виде НКО, и их учредителями могут быть только НКО, а вот учредителем последнего, по сути, может быть кто угодно. Кроме того, не совсем понятен механизм так называемого

двойного согласования. Если при регистрации некоммерческой организации в уставе уже значилась возможность создания третейского суда и устав зарегистрировали, то почему необходимо снова запрашивать разрешение на то, что уже разрешено?

Арбитражные учреждения не будут непосредственно рассматривать споры. На них предполагается возложить функции по организационному обеспечению арбитража, в том числе по обеспечению процедур выбора, назначения или отвода арбитров, а также делопроизводство и администрирование сбора и распределения арбитражных сборов. Администрирование тех третейских разбирательств, участники которых каким-либо образом связаны с учредителями, участниками, контролируруемыми или контролирующими лицами арбитражных учреждений, согласно законопроекту Минюста России, будет запрещено. За ненадлежащее администрирование арбитражные учреждения будут нести гражданско-правовую ответственность.

Арбитры будут рассматривать споры, вытекающие из гражданско-правовых и иных частноправовых отношений, если стороны спора в соответствии с законодательством Российской Федерации могут свободно распоряжаться своими процессуальными правами в рамках таких споров (изменять основания и предмет иска, признавать иск, отказываться от иска и заключать мировое соглашение).

Арбитрам доверят также рассмотрение корпоративных споров, связанных с созданием юридического лица, управлением им или участием в нем, а также споров по искам участников юридического лица в связи с правоотношениями юридического лица с третьим лицом. Решением третейского суда автоматически не смогут быть внесены какие-либо изменения в единые государственные реестры юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Решение о принятии обеспечительных мер станет обязательным только для сторон спора и не подлежащим признанию и принудительному исполнению государственными судами. В этих целях необходимо будет получить в государственном суде исполнительный лист. В его выдаче суд может отказать на основании заявления стороны, против которой оно направлено, по достаточно широкому кругу оснований:

— арбитражное соглашение недействительно по основаниям, предусмотренным применимым правом;

— сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве, в том числе о времени и месте заседания третейского суда, или по другим уважительным причинам не могла представить свои объяснения;

— решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением или не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, то та часть арбитражного решения, в которой содержатся постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, может быть признана и приведена в исполнение;

— состав третейского суда или арбитражная процедура не соответствовали соглашению сторон или в отсутствие такового не соответствовали федеральному закону;

— если суд найдет, что объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства в соответствии с федеральным законом или приведение в исполнение этого арбитражного решения противоречат публичному порядку Российской Федерации.

Согласитесь, это довольно обширный перечень оснований, ведущий к полноценному разбирательству практически заново и очевидно подрывающий авторитет третейского решения.

Требования к арбитрам остались практически прежними: юридическое образование, право- и дееспособность. Добавился лишь возрастной ценз — достижение 25-летнего возраста. Но и это правило действует, если стороны не договорились об ином и спор рассматривается арбитром единолично. В случае коллегиального рассмотрения спора стороны могут договориться о неприменении этих правил к председателю состава; в этом случае хотя бы один из судей должен соответствовать указанным требованиям.

Арбитры освобождаются от гражданско-правовой ответственности, кроме случаев предъявления гражданского иска к арбитрам в рамках уголовного дела. В качестве гарантий деятельности указывается также, что ни одно лицо не может быть лишено права выступать в качестве арбитра по причине его гражданства (правда, если стороны не договорились об ином).

Подсудность дел об отмене решений третейских судов также ожидают изменения. Отменять решения третейских судов в качестве судов первой инстанции, а также выдавать исполнительные листы по делам общей юрисдикции будут суды субъектов Российской Федерации (вместо районных судов), по арбитражным делам — федеральные арбитражные суды округов (вместо арбитражных судов субъектов Российской Федерации).

Итак, законопроект Минюста России в основе своей заслуживает внимания, но, безусловно, требует определенной доработки.

Подводя итог, отметим, что в развитии института третейского разбирательства в нашей стране наметился определенный поворотный момент. Либо мы воспользуемся ситуацией и серьезно продвинемся в создании цивилизованного третейства, максимально реализуем его демократический, управленческий и правовой потенциал, либо получится так, как говорил В.С. Черномырдин: «Хотели как лучше...». И по какому варианту будет развиваться третейство в России в обозримый период, определяться необходимо уже сейчас.

Список литературы

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.05.2011 № 17020/2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.06.2011 № 1308/2011 по делу № А40-15962/10-104-120. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Проект Федерального закона «О третейских судах и арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». URL: <http://cdnimg.rg.ru/pril/article/91/15/18/tretejskie-1-proekt.doc>

5. Росарбитраж. Современный третейский суд. 2013. № 1.

References

1. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 24.05.2011 № 17020/2010. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
2. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 28.06.2011 № 1308/2011 po delu № А40-15962/10-104-120. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
3. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 26.05.2011 № 10-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii punkta 1 stat'i 11 Grazhdan-skogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, punkta 2 stat'i 1 Federal'nogo zakona "O tretejskikh sudakh v Rossiiskoi Federatsii", stat'i 28 Federal'nogo zakona "O gosudarstvennoi registratsii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim", punkta 1 stat'i 33 i stat'i 51 Federal'nogo zakona "Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti)" v sviazi s zaprosom Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Fede-ratsii». Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».
4. Proekt Federal'nogo zakona «O tretejskikh sudah i arbitrazhe (tretejskom razbiratel'stve) v Rossijskoj Federacii». URL: <http://cdnimg.rg.ru/pril/article/91/15/18/tretejskie-1-proekt.doc>
5. Rosarbitrazh. Sovremennyy tretejskij sud. 2013. № 1.

Arbitration Proceedings in Russia: Current State and Development Prospects

Jurij I. Skuratov,

Doct. in Law, Head of Dept. of Constitutional and International Law
in Russian State Social University,
Chairman of the National Association of Arbitrators and Judges
Russia, Moscow
fond21vek@yandex.ru

Natali V. Kuz'minyh,

Cand. in Law, Assoc. Prof. of Dept. of Constitutional and International Law
in Russian State Social University
Russia, Moscow
ombuds@yandex.ru

Law enforcement problems and prospects for development of arbitrages and arbitration proceedings are considered. Analyzing legislation in power and drafts on the item, authors note the necessity of use and adoption of uniform rule on arbitration, state register of arbitrages creation, legislative recognition of their status, introduction of arbitrament enfocement, equating it to writ obligatory.

Keywords: arbitration, arbitrage, arbitrator, arbitrament.